

ЛЕКЦИИ ОБ ОПРАВДАНИИ

ЛЕКЦИЯ 10. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ОПРАВДЫВАЮЩЕЙ ВЕРЫ*

Джон Генри Ньюмен

«Лекции об оправдании» были прочитаны Джоном Генри Ньюменом, одним из лидеров Трактарианского движения, в 1837 г. в Оксфорде, а затем опубликованы в 1838 г. В данной серии лекций раскрывается учение Ньюмена о «срединном пути» Англиканской церкви, которая в рамках своего вероучения призвана пройти между крайностями папизма и популярного протестантизма. Предлагаемая читателю десятая лекция посвящена анализу взаимосвязи между верой и оправданием в вероучениях протестантизма и англиканства. Автор критикует популярную протестантскую доктрину об оправдании одной верой, которая пренебрегает значением таинств церкви в деле спасения человека. В лекции предлагается истолкование веры как одного из орудий оправдания, которое оправдывает только крещения, а не перед ним. Автор последовательно обосновывает свою позицию, опираясь на тексты гомилий Англиканской церкви и Библии.

Ключевые слова: Ньюмен, вера, оправдание, крещение, протестантизм, англиканство

LECTURES ON JUSTIFICATION. PART 10. THE OFFICE OF JUSTIFYING FAITH

John Henry Newman

“Lectures on Justification” were read by John Henry Newman, one of the leaders of the Tractarian movement, in 1837 in Oxford, and then published in 1838. This series of lectures exemplifies Newman’s doctrine of the “via media” of the Anglican Church. According to this doctrine, Anglican Church is supposed to pass between the extremes of papism and popular Protestantism. The tenth lecture examines the relationship between faith and justification. The author criticizes the popular Protestant doctrine of justification by faith only that neglects the office of sacraments in salvation. He suggests the interpretation of faith as one of the instruments of justification, which justifies only after and not before the baptism.

Keywords: Newman, faith, justification, baptism, Protestantism, Anglicanism

Если оправдание основано на присутствии Христа внутри нас, а это присутствие проявляет себя в обновлении нашего сердца и поступков, то возникает вопрос: где, согласно такому пониманию вероучения, обнаруживает себя вера, каково ее место, как она влияет на указанные условия и каким образом ее притязания могут быть удовлетворены в соответствии с нашими канонами? Таков будет предмет нашего рассмотрения.

Наша одиннадцатая статья** утверждает, что «наше оправдание только верой». Сообразно с этим в гомилии о страстях нам говорится, что вера есть единственное *средство и орудие* оправдания. «Как нет пользы человеку», – утверждает ее выдающийся автор, – «иметь мазь,

* Перевод выполнен по изданию: Newman J.H. Lectures on the Doctrine of Justification. 5th edition. London: Rivingtons Waterloo Place, 1890. P. 223–251.

** Речь идет о «39 статьях англиканского вероисповедания». – *Примеч. пер.*

если она не приложена верно к пораженному месту, так и смерть Христа не будет действительна для нас, если мы не применим ее к самим себе так, как указано Богом. Всемогущий Бог обычно действует с помощью средств, и в этом деле он также установил определенное средство, с помощью которого мы можем приобрести плод и пользу для здоровья нашей души. Что это за средство? Несомненно, это вера. Однако не шаткая или колеблющаяся вера, но надежная, твердая, основательная и непритворная вера. *Бог послал Сына Своего в мир*, говорит апостол Иоанн. *Для чего? Дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3:16)* Отметим эти слова *дабы всякий верующий в Него*. Вот средство, с помощью которого мы должны прикладывать плоды смерти Христа к нашей смертельной ране. Вот средство, с помощью которого мы должны обрести жизнь вечную, – вера». Затем, процитировав другие места из Писания, он продолжает: «Отсюда, следовательно, мы вполне можем узреть, что единственное средство и орудие спасения, требуемое с нашей стороны – это вера, что означает, полное доверие и уверенность в милостях Бога». Ближе к концу гомилии он добавляет: «Давайте же тогда использовать то средство, которое Бог определил в Его слове, а именно, средство веры, которая есть единственное орудие спасения, оставленное нам ныне. Давайте же беспрестанно созерцать Христа Распятого очами нашего сердца», на этой весьма серьезной и впечатляющей ноте он завершает свою речь.

Согласно суждению этой гомилии, вера, таким образом, определенно является в некотором отличном и особом смысле единственным средством и орудием оправдания. Вопрос в том, каков этот смысл.

2.

Итак, с одной стороны, отмечу то, с чем согласится каждый: вера, о которой идет речь, – не всякая вера, но живая вера. Это собственно подразумевается в процитированном выше отрывке, который посвящен «не шаткой или колеблющейся вере, но надежной, твердой, основательной и непритворной вере». Вера, которая не доверяет, как сатанинская вера, или вера, которая не любит, хотя и может «переставлять горы», или вера, которая не может действовать, как вера того, у которого «желание добра» «не делает оно»; всякая подобная вера не оправдывает. В таком случае, однако, не просто вера, но вера в определенных обстоятельствах или при определенных условиях, вера, когда она доверяет любит и живет, плодоносная вера, является единственным средством и орудием оправдания.

* Здесь и далее цитаты по синодальному переводу Библии. – *Примеч. пер.*

С другой стороны, я не понимаю веру как некое общее понятие, не обозначающее ничего сверх или помимо доверия, любви, жизни и других совершенств обновленного ума или творения в целом. Именуя ее «единственным средством» гомилия противопоставляет ее другим благодатям. Автор не называл бы ее единственным *средством*, если бы она была единственной *благодатью*. Под верой имеется в виду не религиозность в целом, не послушание, не духовная жизнь, не любовь, не надежда, не доверие; чтобы ни имелось в виду, оно от всех них отлично. Я не отрицаю, что вера часто стоит на их месте в Писании, в самих гомилиях, и в других местах; нет, я не стану отрицать, что представленная гомилия, будучи популярным изложением, говорит о вере так, словно бы она была чем-то большим, чем вера, а именно доверием, уверенностью, надеждой, упорством, поскольку она действительно неотделима от них и одно с ними. Тем не менее, будучи названной единственным орудием оправдания, она должна противопоставляться им и рассматриваться сама по себе, как одно определенное свойство, расположение или акт ума. Это открыто утверждается в другой гомилии, где говорится, что вера «не исключает покаяние, надежду, любовь, трепет и страх Божий, которые должны соединяться с верой в каждом оправданном человеке; но она *исключает их оправдывающее предназначение*»¹.

Здесь я делаю важное заключение: сила веры как орудия не должна препятствовать силе крещения как орудия, поскольку вера есть *единственно* оправдывающая, не в противопоставлении всем средствам и действиям вообще (поскольку она, конечно, не противопоставлена заслугам Господа нашего или милостям Бога), но остальным *благодатям*. Когда, следовательно, вера называется единственным орудием, это означает единственное *внутреннее* орудие, а не единственное орудие какого бы то ни было рода.

В таком случае не было бы никакого противоречия в том, что и вера является единственным орудием оправдания, и крещение является единственным орудием оправдания, и все это одновременно, поскольку подразумеваются разные смыслы; внутреннее орудие никак не препятствует внешнему. Крещение могло бы быть рукой дающего, а вера – рукой принимающего. Однако это, очевидно, не точное отношение веры к крещению, поскольку крещение происходит лишь однажды, в то время как оправдание – это состояние, и вера «пребывает». Оправдание, следовательно, нуждается в постоянно действующем орудии, каким может быть вера, а крещение быть не может. Каждое из них, таким образом, имеет свое предназначение в оправдании: крещение – во время своего осуществления, а вера – в дальнейшем. Вера непрерывно сохраняет для души те дары, которые крещение ей впервые сообщает. Два таинства служат первичными орудиями оправдания;

¹ Проповедь о Спасении, ч. I.

вера – вторичным, подчиненным или уполномоченным ими орудием. Или, используя другие термины, таинства – это инструментальная причина, а вера – поддерживающая причина².

Следовательно, вера, будучи уполномоченным представителем крещения, получает свой авторитет от того, что она представляет. Она оправдывается благодаря крещению; это вера крещенного, возрожденного, т. е. оправданного. Оправдывающая вера не предшествует оправданию, но оправдание предшествует вере и делает ее оправдывающей. И вот здесь заложена принципиальная ошибка распространенных ныне взглядов на предмет нашего рассмотрения. Согласно этим взглядам, вера является единственным орудием не после крещения, но прежде него; однако крещение является первичным орудием, которое делает веру тем, что она есть, и без которого она не была бы тем, чем она является; оно дает ей силу и ранг, словно бы создавая своего собственного преемника.

3.

Что таково и есть вероучение нашей церкви, ясно из гомилий. Последние адресованы не язычникам, но христианам, это практические и популярно изложенные наставления для христиан. В них крещеной пастве, или, как они сами выражаются, «дорогим христианам», «доброму христианскому народу», сообщается, как они могут спастись, а не то, как Бог поступит с язычниками. Это не миссионерские речи, указывающие язычникам, как поступать, чтобы быть оправданными, но назидания тем, которые Божьей милостью уже стали «возлюбленными во Христе». Касательно интересующего нас вопроса, они устанавливают, «что есть живая и истинная вера *христианина*». Как бы ни были они, на первый взгляд, ясны, я все же приведу несколько отрывков, чтобы запечатлеть их в уме.

Возьмем, к примеру, тот самый отрывок, который я цитировал в начале, в котором вера называется единственным орудием спасения. Оказывается, пишущий учит христианскую паству, как должно поступать. Он не говорит, не может сказать вместе с апостолом Петром *Да крестится каждый из вас для прощения грехов* (Деян. 2:38). Это целительное таинство давно уже было применено и не может быть повторено. Что же тогда остается делать, когда мы согрешили, кроме как словно бы обновить наше крещение, по крайней мере его силу, ве-

² [Католики полагают, что не вера одна, но вера, надежда и любовь являются «поддерживающей причиной» оправдания. «Вера, которая не прибавляется надеждой и любовью, не объединяет человека совершенным образом с Христом и не делает человека живым членом Его тела» – Concil. Trid. Sess. vi. 7. (пер. с лат.)].

рой как «единственным орудием спасения, *ныне нам оставленным*»? Вот почему упор делается на «твердую, а не колеблющуюся веру». Автор говорит не просто «живая», но «твердая», поскольку вера должна быть пребывающим, поддерживающим средством оправдания, или, по слову апостола Павла, *Верую мы стоим* (Рим 5:2), подобно тому как оставались подняты руки Моисея при победе его народа над Амаликом. Автор ясно говорит об этом: «Здесь мы должны быть осторожны, чтобы не держаться с Богом через непостоянную и колеблющуюся веру, но так чтобы она была сильна и тверда до *конца нашей жизни*. <...> Петр, шагая по воде навстречу Христу, ослабел в вере и потому оказался в опасности утонуть. Также и мы, если начинаем колебаться или сомневаться, должны опасаться, как бы не утонуть, но не как Петр, в воде, а в бездонной яме адского огня». Все это, как я утверждаю, показывает, что, когда в гомилии говорится о вере как орудии, имеется в виду поддерживающее орудие; а каково первичное орудие – это отдельный вопрос. Рассуждающие сегодня о вере как единственном средстве оправдания зачастую поспешно предполагают, что многие христиане остаются не перерожденными, и призывают их покинуть якобы языческое состояние *посредством* веры как единственного *посвящения* в царствие Христа. Насколько же отличен тон этой гомилии! Вслушайтесь в сами слова, которые предваряют сильнейший из процитированных выше отрывков. «И потому, дорогие возлюбленные, если случится нам *во всякое время* слабостью плоти *впасть* во грех <...> и если ощутим мы тяжелое бремя это, гнетущим наши души, <...> давайте же *тогда* используем то средство, которое определил Бог в Его слове, а именно, средство веры, которая является *единственным* орудием спасения *ныне нам оставленным*».

Могут, однако, возразить, что здесь ничего не сказано о крещении. Обратимся тогда к гомилии о спасении и оправдании, на которую ссылается одиннадцатая статья, и где мы обнаружим ясное изложение этого учения, пусть и не входящего в состав выше цитированной гомилии. «Младенцы, будучи крещены и умирая в младенчестве, самой этой жертвой омываются от своих грехов, обретают благоволение Бога, делаются его детьми и наследниками царствия небесного. Согрешившие же *после* крещения, когда вновь непритворно обращаются к Богу», то есть приходят к Богу *в вере*, как сразу добавляется в гомилии, «...они *таким же образом* омываются этой жертвой от своих грехов». Здесь имеет место конкретное упоминание веры, оправдывающей *после* крещения, но нет упоминания о том, что она оправдывает *до* крещения. Напротив, ясно утверждается, что крещение дает первое оправдание. Автор продолжает: «Именно *это* и есть оправдание или праведность, о которой говорит апостол Павел, говоря, что *человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа* (Гал. 2:16). Таким образом, представляется, что и

апостол Павел также, говоря об оправдании верой, говорит о вере, как подчиненной крещению, а не как о непосредственном посвящении в состояние оправданности.

И как святое крещение, по суждению гомилий, является непосредственным посвящением в божественную благодать, так и святое причастие – это не исходное, но также непосредственное и подобающее орудие ее обретения; однако здесь не место обосновывать это положение³. Здесь нас интересует только вопрос о том, в каком смысле *вера* является «единственным орудием»; и я ответил на него, показав из гомилий, что она является единственным орудием в противоположность не внешним средствам, но другим благодатям, будучи предварена и становясь орудием благодаря таинственной силе крещения. Что касается святой евхаристии, в каком бы смысле она ни оправдывала, вера, заступая на место крещения, очевидно, может мешать ее предназначению столь же мало, сколь и самое крещение. Можно, однако, упомянуть одно доказательство в пользу того, что наша церковь отводит вере ту же подчиненную функцию в отношении второго таинства, которую она имеет и в связи с первым⁴. Я имею в виду место в чине причащения больных, которое наставляет нас, что вера должна символизировать Евхаристию, вовсе не заменяя ее, только тогда, когда по какой-то причине последняя не может быть получена. За этим следует молитва, в которой Бога просят презреть на прошлые причащения болеющего.

Таким образом, вера, понимаемая как орудие, всегда является вторичной по отношению к таинствам. Предельный случай, в котором она кажется замещающей их, можно найти не в нашей, но в древней церкви, где вера людей, погибших в состоянии оглашенных, считалась подспорьем для их посмертного принятия в то царство, обычными вратами в которое является крещение. Насколько же отличен дух этого осторожного исключения от того учения, которое в чести сегодня, согласно которому вера *ipso facto* оправдывает, а таинства лишь подтверждают и запечатывают то, что является вполне законченным и без них!

³ «Настолько сильно мы должны быть уверены в том, что в Тайной Вечери Господа нет ни поверхностной церемонии, ни пустого знака, ни ложного образа отсутствующей вещи <...> Настолько больше верный видит, слышит и знает; благоволенные милости Бога запечатаны, наше искупление Христом подтверждено и отпущение грехов установлено <...> Прими тогда этот урок, о ты, желающий этого Стола, от Эмессина****, праведного Отца, что когда ты идешь к благоговенному причастию, чтобы насытиться духовной плотью, тогда смотри с верой на Святое Тело и Кровь твоего Господа, тогда дивись с благоговением, тогда прикасайся к нему твоим умом, тогда принимай его рукой твоего сердца, и тогда бери его полностью своим внутренним человеком» – Проповедь о Таинстве, ч. I.

⁴ «Что вера – необходимое орудие во все этих священных обрядах, мы можем быть уверены, поскольку, по слову апостола Павла, “без веры угодить Богу невозможно”. Когда множество израильтян были брошены в пустыню, Моисей, Аарон и Финеес ели манну и были угодны Богу» – Ibid. С этим согласуется и 28-я статья «Средство, которым Тело Христово принимается и съедается на Вечере, есть вера».

4.

Давайте обратимся к Писанию, которое, как обнаружится, ясно провозглашает то же самое общее учение. И здесь я не мог бы желать более убедительного аргумента, чем тот, который дает нам история обращения апостола Павла; он, если это вообще возможно, очевидно, был бы в первую очередь оправдан не при крещении, а до него. Я имею в виду момент, когда ему явился Христос, или те три дня, которые он провел в посте и молитве. Если в каком-то случае вера и могла немедленно оправдать, то именно в данном. Однако, в противоположность этому, Анания, недвусмысленно сославшись на то, что он видел «праведника», который также является *оправдывающим верующего* (Деян. 22:14), все же призывает его креститься и *омыть грехи свои* (Деян. 22:16). Сам апостол наставляет в том же учении Галатов, когда после подробного рассуждения относительно оправдания верой, утвердив это как настоящую и важную истину, он заканчивает так: *Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* (Гал 3:26-27). Так образом, вы являетесь сынами Бога по вере, *поскольку* облеклись во Христа при крещении. Облечение Христом при крещении перевело вас в состояние сынов Бога, являющихся таковыми по вере. Другими словами, вера оправдывает, *поскольку* крещение оправдало. В другом месте он говорит евреям: *Да приступаем с искренним сердцем, с полною верою, кроплением очистив сердца от порочной совести, и омыв тело водою чистою* (Евр. 10:22). Для чего это очищение совести и крещальное омовение упомянуто, если не в качестве *предписания*, которому необходимо следовать для утверждения веры. Апостол Петр с той же целью учит, что Бог *возродил нас к упованию живому и наследству нетленному* (1 Петр. 1:3) и что избранные *силою Божиею через веру соблюдаемы* (1 Петр. 1:5)⁸. **Живая вера приходит после возрождения, а не перед ним.**

В этих отрывках вера – постоянное или поддерживающее средство, а не начало оправдания; с чем согласны и другие места, говорящие о нашей вере как охраняющей наше *состояние* благоволенности. К примеру, *Ибо верою вы тверды* (2 Кор. 1:24). Или: *Они отломились неверием, а ты держишься верою* (Рим 11:20). Или: *Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились* (1 Кор. 15:1). Или вновь: *Через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим* (Рим. 5:2). И еще раз: *Ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит. Праведный верою жив будет; а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя* (Евр. 10:37).⁵

⁵ См. также Деян. 10:47.

Приведенные отрывки также доказывают, что лишь вера обладает подобной поддерживающей силой, поскольку вере она приписывается постоянно, а другим благodatям никогда и ни в коей мере. Если под «стоянием» имеется в виду, как я понимаю, существование в состоянии оправданности, конечно, именно вера и никакая иная благодать действует, поддерживая нас в нем. Почему дело обстоит так – совсем другой вопрос, который мы, возможно, не способны удовлетворительно разрешить. Однако, каковы бы ни были непостижимые мотивы Бога таким образом непосредственно соединять веру с Его евангельскими дарами, Он поступил именно так.

Более того, заметим, что величайшие и самые таинственные дары вновь и вновь приписываются вере, а не другим благodatям. Словно бы и действительно существовала некая особая связь между этими дарами и верой, хотя бы мы и не могли ее определить. К примеру, связь с прощением грехов: *которого Бог предложил в жертву умиловления в Крови Его через веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде* (Рим. 3:25-26). С присутствием Духа: *чтобы нам получить обещанного Духа верою* (Гал. 3:14). С освящением: *верою* очистив сердца их (Деян. 15:9). С неколебимостью: *через веру* соблюдаемых ко спасению (1 Петр. 1:5). С воскресением тела: *верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11:25). С вечной жизнью: дабы всякий *верующий* в Него, не погиб, но имел жизнь вечную (Ин. 3:16). С телом и кровью Христа: *Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда* (Ин. 6:35). Или, как одним словом можно кратко обозначить все невыразимые дары, с оправданием: *да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса* (Рим. 3:26).

И здесь сильный подтверждающий аргумент дает поведение Христа, когда он был на земле, по отношению к людям, пришедшим к Нему за исцелением. Чем вера в «дни Сына Человеческого» была для временных благословений, тем она, конечно, является и сейчас, во времена служения Духа, для благословений небесных. Так непреложна, как представляется, была необходимость веры как средства для получения его щедрот, что, когда болеющий не обнаруживал или не мог обнаружить ее, она требовалась от тех, кто его приносил. Господь наш сказал страдавшей кровотечением женщине, которая коснулась его одежд: *вера твоя спасла тебя* (Лк. 7:50), слепым: *веруете* ли, что Я могу это сделать? (Мф. 9:28) и по *вере* вашей да будет вам (Мф. 9:29), Хананеянке: *о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему* (Мф. 15:28). Видя веру спустивших к нему расслабленного через кровлю дома, он сказал больному: *Чадю! Прощаются тебе грехи твои* (Мк. 2:5). В отечестве своем он не совершил многих чудес по неверию их (Мф. 13:58), да и не мог совершить там никакого чуда, только на немногих больных возложив

руки, исцелил их (Мк. 6:5). Подобным же образом апостол Павел в Листре, взглянув на калеку и увидев, что он имеет **веру** для получения исцеления, сказал громким голосом: тебе говорю во имя Господа Иисуса Христа: стань на ноги твои прямо (Деян. 14:9). Также и апостол Петр, устремив глаза на «хромого» при дверях храма, называемых Красными», и сказав: взгляни на нас, взяв его за правую руку, поднял, а затем сказал, что ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего (Деян. 3:16). Более того, Господь наш несколько раз излагал это общее учение: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему (Мк. 9:23). Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас (Мф. 17:20). И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите (Мф. 21:22). Слова Господа, кажется, вошли в поговорку; так апостол Павел говорит о вере, могущей горы переставлять (1 Кор. 13:2). Конечно, вдохновенное слово столь единообразно зафиксировало эту связь между верой и дарами Евангелия не без умысла постоянного церковного назидания. Конечно, что истинно относительно ее видимых чудес, то истинно и в отношении невидимых, которые еще ожидают нас. Не любовь и не смирение имеют особое предназначение в содействии внешним знакам Бога, божественному «дыханию» и «прикосновению», умягченному божеством «брению» или божественному слову, но вера. Отметим, что это наделение определенной благодати особым предназначением или особым благословением вполне соответствует аналогиям Писания, так что, даже если бы мы и вовсе не могли обнаружить оснований для этого, нас не должно удивлять, что принятие Божьей благодати должно быть прерогативой веры. Так «чистые сердцем» «Бога узрят» и «кроткие» «наследуют землю».

Таким образом, по всему, на основании примеров, утверждений и аналогий Писания мы можем уверенно заключить, что существует некая особая и исключительная общность между верой и обретением Евангельских привилегий, которая образует орудие, в истинном смысле, обретения их, то есть оправдания, которое все их включает. В подлинном смысле, который должен определяться тем же самым Писанием, а не предшествующими аргументами, словно бы определение веры и так это подразумевало, или того требовали сами условия человеческого существования (неравенство человека и его трудов, или «постигающий»^{*} характер веры, или опасность и ненадежность доверия к нашим собственным заслугам, или гарантия таким образом комфорта для нас), который не противоречит другим истинам, вроде действительности таинств как орудий, который не вытесняет другие

* В оригинале «faith being “apprehensive”». Очевидно, имеется в виду fides apprehensiva Лютера. – Примеч. пер.

условия, к примеру, раскаяние и смирение, и который, по крайней мере неявно, совместим с первенством любви над верой как в естественном порядке, так и во временном отношении⁶.

5.

Таким образом, хотя мы отводим крещению наше новое рождение, Евхаристии скрытые источники новой жизни, любви то, что можно назвать ее преобразующей силой, а смирению роль атмосферы, в которой дышит вера, тем не менее божественно установленная или, другими словами, таинственная добродетель веры остается. Она одна соединяется с таинствами, делает их действенными, растворяет (как будто бы), что есть внешнего и материального в них, и через них объединяет душу с Богом⁷. Она одна, совершенствуясь, одновременно освящает в глазах Бога все остальные благодати, – подобно соли или каждению на жертвы, которые не искупают, не замещают саму жертву, но вверяют ее Богу для принятия. Такова оправдывающая вера, оправдывающая не нечестивца, но праведного, которого Бог оправдал бывшего нечестивцем; оправдывающая его перед Богом, и средствами Бога; оправдывающая праведных, как вера оправданных, которые через крещение были впервые оправданы, когда еще были неправедны. И потому Евангелие называется «законом веры», а прозелитизм «покорением веры», ведь, хотя вера является началом всякой религии, все же в Евангелии она имеет особое предназначение, которое, очевидно, сообразно ей в той степени, в какой она им формально наделена, пусть мы и не смеем преждевременно решать, в какой именно.

Против этого учения могут возразить, что вера, подобным образом ограниченная в своем предназначении, является в конечном счете лишь более высокого рода условием, или, как говорят, *sine qua non* для оправдания, а не действительным орудием; что, в то время как таинства сообщают дары, у веры есть лишь негативное предназначение – не препятствовать их принятию, а это предназначение равным образом присуще всякой другой благодати, ведь, если вера, или чистота, или раскаяние отсутствовали бы, таинства не могли бы действо-

⁶ [Католики считают, что вера, как располагающее условие, предшествует оправданию, а любовь или любовь-каритас (*charitas*) следует после него. Вере предшествует не любовь-каритас, но благочестивое влияние (*pia affectio*) и добрая воля (*bona voluntas*). См. следующую лекцию].

⁷ Показав бесполезность основанных на законе жертвоприношений, он снова обещает прощение грехов, которое дается через святое крещение: Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну (Ис. 43:25). Мы обретаем блага не благодаря достойным похвалы делам, а благодаря только вере. – Theod. Adv. Gent. viii. p. 892.

вать спасительно, и что бессмысленно делать веру чем-то большим, нежели условие, но меньшим, нежели непосредственное и подобающее орудие. Однако я ответил бы, что это лишь потворствование тому же самому роду рассуждений, что и до этого. Что мы знаем об орудиях, средствах, качествах и условиях спасения? Что мы знаем о реальной действительности всего, что делаем? Что о том, как действует молитва? Что о средствах, которыми поступки меняют характер? Что о том, в каком смысле Адамов грех – это наш грех? Давайте не будем считать систему Бога ограниченной только потому, что мы сами невежественны. Давайте верить, если так гласит Его слово, что вера имеет предназначение, для которого у нас нет слов, как нет и определенной идеи; что и не будучи тем, за что единственно и непосредственно Бог подает свои небесные дары, она все же имеет некоторую связь с ними, причем незаурядную; подобно тому как, если проводить параллели, обретение благословений для церкви связывается нашим Господом и его апостолами с терпением в молитве.

6.

Могут, однако, сказать, что в Писании есть места, которые ясно говорят о вере, как оправдывающей не после, но до крещения. Таковы следующие места: *оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом* (Рим. 5:1), где крещение не упоминается; или где упоминаются оба: *Кто будет верить и креститься, спасен будет* (Мк. 16:16); или в форме предписания: *веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты* (Деян. 16:31). Как же согласовать эти места с учением, которое я обосновывал?

Если это возражение вообще достойно внимания, его сила должна быть в том, что не при изложении принципов, как в первом из этих мест (поскольку в таких отрывках истина утверждается абстрактно), но в предписаниях и указаниях, как в последнем, вера описывается как орудие оправдания отдельно от крещения. Первый из этих отрывков, следовательно, может быть сразу исключен из обсуждения. На последнем можно настаивать, но из него ничего не следует. Слова «Веруй и спасешься» столь же мало отменяют использование божественного орудия (такого как крещение), опосредующего веру и ее вознаграждение, сколь вера центуриона, подобной которой не было в Израиле, обходится без того, чтобы Господь наш сказал, чтобы слуга его исцелился. Темничный страж, к которому обращался апостол Павел, *был* немедленно крещен; если бы умолчание апостола Павла о крещении было бы аргументом против его силы как орудия, это было бы также аргументом и против его принятия; таким образом, это возражение доказывало бы слишком много. Следова-

тельно, тексты, в которых крещение не упоминается, не доказывают ничего, пока есть тексты, в которых оно упоминается. В противном случае увещание апостола Петра, произнесенное по другому поводу: *покайтесь и да крестится каждый из вас* (Деян. 2:38), было бы действенным аргументом против необходимости веры. Что касается второго из трех приведенных мест, в котором вера идет *первой*, а за ней следует крещение, такие отрывки столь же мало доказывают, что вера, а не крещение, является истинным орудием благодати, как призыв нашего Спасителя *покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1:14) показывает, что оправдывает покаяние, а не вера. Таким образом, подобные места не доказывают ни это учение, ни противоположное: их можно понимать и так, и так. Итак, сейчас дело обстоит следующим образом: *есть* места, где говорится о крещении как *начале* состояния благодати; но *есть ли* места, в которых таким образом говорится о вере? Новое рождение – это *акт*, исходный акт, прощение – это *акт*; но оправдание – это *состояние*, пребывание в Божьем благоволении – это *состояние*. Следовательно, бесполезно показывать, что вера в писании связана с оправданием, или с благоволением Бога. Как это связано с новым рождением, с омовением от греха? Вот в чем вопрос. Крещение *является* актом, исходным актом, и ничем более, а следовательно, подходящим спутником внутреннего исходного акта, такого как возрождение. Тогда как вера, хотя и является актом, но также она *есть* и нечто помимо акта, это постоянное расположение, и, следовательно, она устроена более подходящим образом, для того чтобы сопутствовать неизменному состоянию. И далее, повторяюсь, акт оправдания ясно приписывается крещению как прямому средству; приписывается ли он где-либо вере? Анания обявляет апостола Павла креститься и *омыть* свои грехи; но в уже процитированном мною месте говорится: «верую вы тверды». Сказано ли нам где-либо *стать* твердыми с помощью веры, как мы *являемся* твердыми с помощью нее? Говорится ли хоть раз, что вера смывает грехи, как крещение? Что она дает новое рождение, как крещение? Что она *начинает* ту новую жизнь, которую она без сомнения *поддерживает*, что она *приобретает* то, что несомненно *удерживает*? Молчание писания на этот счет особенно примечательно в виду того обстоятельства, что столь многие высочайшие дары – освящение, вечная жизнь и воскресение тела – в писании *действительно* связываются с верой; все, кроме нового рождения; все, кроме первого шага, а он, как сказано в других местах, должен совершаться через крещение.

Однако на это могут возразить, что фактически вера предшествует крещению; люди не крестятся, пока они не верят; каково бы тогда не было предназначение веры, она обладает этим предназначением независимо от крещения; и если она является орудием оправдания, то не благодаря крещению. Я отвечу, что, хотя вера приходит до кре-

щения, все же до крещения она является не орудием оправдания, но лишь одним из ряда качеств, необходимых, чтобы быть оправданным. В Писании ничего не сказано о вере до крещения, чего не сказано о покаянии или о решимости вести новую жизнь, которые также являются необходимыми условиями, вкупе с верой, для крещения. Однако прежде крещения она, равно как и они, лишена «полезной» силы, лишена жизни в глазах Бога, в том, что касается нашего оправдания. После всех этих, как можно их назвать, приготовлений, но не в и не через них, приходит благодать Евангелия, встречающаяся, не действующая вместе с ними, в отдельном процессе и спустя время. «А тем, которые *приняли* Его», говорит евангелист, *верующим во имя Его, дал власть стать чадами Божиими* (Ин. 1:12). Их вера была *приходом*, но является ли приход *орудием* бедняка, получающего милостыню, или, скорее, необходимым предшествующим шагом? Подобна ли она руке принимающей или руке дающей? Верующие, говорит апостол Иоанн, родились от Бога, но он говорит не «все, кто веруют в Него, они, *ipso facto*, родились от Бога», а «тем, которые *приняли* Его», *дал власть* родится вновь». В процессе был промежуточный шаг, и этим шагом было принятие в Его Церковь или Царствие. Вера, таким образом, не должна называться новым рождением до тех пор, пока не будет доказано, что так утверждает писание; и поэтому в протестантских школах и на приходах мы так много слышим про «*постыжение*», «*применение*», «*принятие*», «*вовлечение себя в*» Христа через веру, – слова, которых нет в Писании, и *вместо* слов Писания, которые найти невозможно.

Но в ответ на это могут настаивать, что рассматривать веру, сперва как условие, затем как орудие оправдания, а крещение как средство превратить первое во второе, – произвольно и неестественно; что на самом деле это та же ошибка, которую я указал по другому поводу тем, кто придавал два смысла слову *праведный*, чтобы уклониться от трудностей, стоящих перед определенной их теорией. Ответ на это очевиден: я возражал против придания двух *смыслов* слову *праведный*, поскольку это неразумно, однако я приписывал слову вера не два *смысла*, а два *предназначения*. Почему неразумно считать, что, как и все, что у нас есть, и все, что мы суть сами, возвышено крещением, так и предназначение веры тоже возвышается крещением? Что поскольку вера обновляется в знании, когда Христос открывается как Объект, она также должна обновиться в силе, когда Христос сообщается как Дух? Что, поскольку ее проявления в Законе и Евангелии так различны, одаренность ею также должна быть разной? Что когда она изменила свой характер, она также должна изменить свою функцию? Разумеется, это вовсе не странно, что вера, будучи благодатью, должна совершать больше, чем вера, будучи лишь добродетелью человека; будучи живой больше, чем когда она «желает» без того, чтобы

«сделать». Скорее, странно, что вера до крещения, как вера темничного стража, полная страха и смятения, или вера его домашних, смутная и притупленная, эта немощная, болезненная, неустойчивая, судорожная, бездейственная вера, должна приниматься как условие, если только человек не «принимается смотря по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет». Странно, что начало веры может делать великие вещи, хотя она и ничто, пока Христос не возродит ее, и что, приходя ко крещению, она находится в точке избавления от себя и сокрытия в Нем. Она приходит к источнику жизни, чтобы ее сделали живой, как сухие кости в видении пророка были собраны вместе в приготовлении к оживляющему их дыханию Бога; и он, «творящий все новое», и принимающий в себя, и уподобляющий себе все, что есть «на небесах и на земле», делая грешников праведниками, их личности «радостными», их труды «благоприятными», а их подаяния не просто «памятной», но «благоухающей жертвой», он через свое присутствие обращает условие обретения благоволения в средство его удерживать и наслаждаться им.

Таким образом, вера оправданного поддерживает и оберегает его оправдание; вера грешника приготавливает путь для его оправдания. Сперва это условие, а затем орудие, важность ее предназначения меняется вместе с ее характером. Однако есть точка зрения, относительно которой и ее характер, и ее предназначение всегда одинаковы, равно как одинаково и ее отношение к оправданию. Обратив на это внимание, я закончу.

Пер. с англ. и коммент. А.С. Мишуры